

ГЛАВА 1

ВЕЯ. ОГНЬПРЯДЫ ПРИНОСЯТ НЕСЧАСТЬЯ

Стать вихрем просто.

Нужно лишь обхватить себя руками за плечи и крутануться на пятке через левое плечо назад. Миг — и нет тебя. Стоял на месте мальчишка, а теперь ветряное веретено мчит через поле, извивается и подхватывает сухие травинки, песок и прочую земляную мелочь. От простого вихря и не отличишь.

Да только люди не больно-то и разбираются, пылевой буран перед ними или вихрян. Глупые они, люди.

Увидит такой дурачок вихрь в поле, испугается, придет домой и сляжет. Начнут его спрашивать: с чего это ты заболел? С чего это белый как молоко и в мокрых штанах с поля явился? А он и скажет, как вихрь в поле встретил, да не обычный это вихрь оказался,

а вихран. Все сразу и решат, что заболел человек из-за вихрана.

Люди вихранов боятся и оттого много пустого про нас болтают. Говорят, служим мы черным колдунам, болезни разносим и скот травим. Смешно! Зачем нам кому-то жизнь портить?

Да разве людям объяснишь? Нарúзы для них — злые ведьмы, а вихраны — оборотни и черные слуги колдунов.

Бре́ва говорит, что самый опасный человек — не большой и сильный, а глупый и трусливый. Ножи все носят, да только в ход пускают по-разному. Если человек глуп, он не дает себе труда подумать, прежде чем вытащить нож. А трусость позволяет бить в спину. Встретишь человека, всегда учил меня Бре́ва, сразу уходи в сторону и скрывайся со всех ног. А я смеюсь: ну какие у вихря ноги? Но Бре́ва всегда серьезный, когда разговор заходит о людях.

Бре́ва совсем взрослый, на восемь лет меня старше, и я его всегда слушаю. И пусть первенец у нас — Сайка́н, старший для меня все равно Бре́ва. Сайкан дома уже не живет. В прошлом году он ушел искать свое дерево, когда выпал первый снег.

Чину́к — третий. Мама говорит, что он пожадничал и ветра себе больше всех забрал. Если бы меня спросили, лучше бы он побольше выдержки себе прихватил. С места сорвется, ни на что не глядя, и держись все вокруг! «Чинук» означает «пожиратель снега», этот ветер резко приносит жару на горные склоны, отчего снег начинает бурно таять. Это имя подходит моему брату. Бешеный он, но в работе ему равных нет.

После Чинука Имба́т родился. Он шестнадцатое лето вот-вот встретит. Имбат молчаливый, только

Оркáн его разговорить может. Имбат — имя морского бриза, нагоняющего облака, вот брат и сам как живой густой туман порой. Оркан младше лишь на год. Если не знать, можно подумать, что близнецы-братья. Они вечно дерутся, но друг за друга без головы останутся и не заметят.

Оркан — младший из сыновей, и ему многое сходит с рук. С меня всегда спросят строже, хоть я и родилась двумя летами позже. Но я на брата не в обиде. Он меня всегда защищает, а родительской любовью не больно пользуется. Если только дело не касается рыбалки. Или гонок по полям с Льюкой и Гуттрой, дружками неразлучными.

Моего отца зовут Касирга Согáр, и все братья похожи на него, как два следа одной и той же ноги. Все темноволосые, невысокие и крепкие, с серозелеными глазами. Все — вихраны.

Ни одному вихрану не придет в голову смеяться, что вихрю нужно уносить ноги от человека.

А я смеялась, глупая. Думала, такая беда другими дворами ходит, нас не коснется. Вот и коснулась.

Оркан пропал четыре дня назад, и поначалу никто из нас его не хватился. С поздней весны Оркан вместе с Льюкой и Гуттрой уходят на берег реки. На два, на три дня — ловят серебряных лещей, коптят да ночуют в шалаше на берегу. Возвращаются с корзиной, полной золотистой рыбы. И так она славно пахнет в прохладной клетке, и так быстро заканчивается, что через несколько дней мама сама укладывает Оркану в сумку свежие лепешки на три дня и приговаривает:

— Ночи сейчас теплые, а на мельнице и отец с ребятами справится.

Так было и в этот раз. Только рыбы мы не дождались.

Льюка и Гуттра пришли во двор одни и рассказали, как на закате вихрились в поле, как случайный человек метнул нож в моего брата и что теперь раненого Оркана выхаживает Шургáн — колдун родом с Северного края.

Никогда не забуду, как страшно закричала мама. Отца не было тем утром дома, он повез муку в ближайшую деревню, одной вдове, которая не могла сама приехать. Маму к Шургáну отнес Брева, и мама потом рассказывала вернувшемуся отцу, как Оркан боролся с тремя смертями и помогал ему не только колдун. В доме у Шургана живут племянницы, сказала мама, и одна из них — огнепряда.

Я ушам не поверила, переспросила, не показалось ли ей. Мама в ответ нарисовала пальцем невидимый узел на правой ладони. Наузы пóлоха — тонкие коричневые линии на коже в виде цветков-узоров — оставляют боевые нити, которые огнепряда прядет. Все наузы сияют, но только огнепряда может вытянуть огненные нити из тела, сплести боевой полах и метнуть в цель.

Мама и сама сияла, когда рассказывала. Мама — науза, как и наша младшенькая Ирóка, вот уж кого в семье балуют больше всех. Уже сейчас видно, что Ироку выбрали одёжные наузы: под ее пальчиками нити на полотне сами в цветы и листья сворачиваются. А в мамином огороде все растет и зеленеет, хоть она сухую палку в землю воткнет. В этом дар каждой наузы — при помощи узлов творить свою магию.

Но огнепряду в любом дворе не встретишь.

Я думала, что их и вовсе не осталось.

Огнепряды опасны, считают наррганы, и боятся их больше белых волков. Думаю, это потому, что они не могут ими управлять. Как и волками. Никто не

говорит, но все знают: огнепряды почти пропали из-за охоты на них. А каждый шаг тех, что остались, на виду смотрящих. Смотрящие всех знают по именам, кто где живет и чем занимается. Прясть огненные нити огнепрядам запрещено.

Сегодня утром Оркан вернулся. Я брата не ждала так скоро, иначе мне и в голову не пришло бы с утра завихриться.

Перекидываясь вихрем, я всегда стерегусь, чтобы никто меня не увидел. Забор надежно защищает от чужих глаз. Я перекидываюсь в сарае, подхватываю метлу или ведро с водой и вихрюсь, и воздух поет песни вместе со мной, когда я веретеном выюсь между рядками.

Если бы я знала, я не танцевала бы на дворе, заставляя метлу описывать восьмерки и круги — три восьмерки, три круга, три восьмерки, три круга. Со стороны глянешь — метла кружится сама по себе в воздухе. Я все жду, что отец увидит и улыбнется.

Я поздно заметила, что в ворота вошли чужие. Я отшвырнула метлу и метнулась в сарай, молясь, чтобы меня не заметили. Развихриться нужно плавно, иначе собьешь ноги ударом о землю, но я влетела в тело и боли не поняла. Торопливо натянула штаны, рубаху и *тунью*. С туньей всегда морока, если нужно быстро одеться, — капюшон наизнанку выворачивается, *оберёжья* не ложатся, как нужно. Я сражалась с одеждой, а ведь меня еще и коса ждала. Вот уж забота так забота. Перед тем как завихриться, ее нужно расплести, ветер узлов не терпит. А уж как в тело вернулась — будь добра, заплетай волосок к волоску всю косищу до самых колен.

Я торопливо доплела косу, натянула *дорожку* на лоб, завязала пояс поверх туньи и проверила, чтобы

ничего нигде не выбивалось. Потом торопливо собрала горстями мелкий лук-сеянец с пола. Умудрилась же опрокинуть корзину второпях, вот несклада. И только потом вышла из сарая.

Три гостыи стояли возле крыльца.

Две — обычные девчонки, мне однолетки, а третья годилась Ироке в подружки. Рядом стояли отец и братья, и давно я не видела, чтобы отец так улыбался. Наш пес Хомка принюхивался к чужачкам, и хвост его ходил ходуном, и он все норовил подлезть Оркану под руку, чтоб почесали за ухом.

Я никогда не видела огнепряда раньше. Мама говорила, что они ничем от обычных наруз не отличаются. А теперь я и сама увидела — да, не отличаются.

Не знала бы я, что одна из них моего раненого брата возила на снежном драконе, а вторая черную смерть убила ножницами, я бы мимо прошла. Нет, вру. Не прошла бы. Стояла бы и глазела на распущенные волосы до плеч и гадала, почему ни у одной коса не заплетена, да куда обереги с новеньких рубах потерялись.

Кто из них огнепряда? Я посмотрела на девчонкины руки и обмерла.

На ладони у одной девчонки науз полоха почти зажил, кожу покрывали мелкие пузыри. Когда затянутся ранки, останется только цветок из тонких коричневых линий. Ростом эта девчонка была поменьше меня, черные кудри копной покрывали спину до лопаток. Дорожка на лбу едва держала те кудри.

Правая ладонь другой девчонки безобразно распухла. Едва ли она обварила руку, когда горшок с супом с огня снимала. Нити полоха прожигают кожу изнутри, собираясь на ладони в прекрасный науз, и огнепряды расплачиваются за мастерство обжига-

ющей болью и волдырями. Светловолосая девчонка недавно пряла полохи.

Передо мной стояла не одна, а две огнепряды.

Если их найдут в нашем доме, отвечать придется вдвойне.

Третья девчонка пряталась за черноволосую и молчала.

Меня увидели. Братья обернулись, а мама сказала:

— Наша Вея. — И я замерла на половине шага.

Никто из чужих не должен знать мое домашнее прозвище. Ветряное имя у нарузы — косые взгляды и лишние вопросы. Но отец не изменился в лице, а кивнул согласно.

Темноволосая огнепряда улыбнулась мне и сказала:

— А я — Мирра.

Вторая огнепряда назвалась Диной, а младшая — Дашкой. Я никогда не слышала таких имен, но мне ли судить об именах?

Мама все усаживала огнепряд отдыхать, будто они из долгого похода вернулись. Но обе потерпели пару вздохов на лавке и кинулись помогать. Я была рада: стол на одиннадцать человек сам не накроется. Ладони у них больше не болели. Мама смазала ожоги прохладной мазью, перевязала полосой белой ткани и поверх крест-накрест обвила красной ниткой. От ожогов лучше не придумать.

Дашка и Ирока в четыре руки расставляли кружки.

Не следует болтать за столом, пока все не насытятся, но Оркану простили. И слушали не перебивая, пока он рассказывал, как в предрассветных сумерках прокрались во двор чужаки и как отбивались втроем

от семерых. Отец с братьями переглядывались. Без слов было понятно, зачем чужаки пришли в дом колдуна, пока хозяин по делам задержался. За голову действующей огнепряды положено три мешка серебра. Новую лодку можно купить. Несложно посчитать, сколько дадут за двух.

А потом я подавилась куском творожной лепешки и попрощалась с семьей. Оркан рассказал, что сделали огнепряды.

Мирра ударила полохом напавшего человека. Дина метнула ножницы в другого. Оба остались лежать под окнами разгромленного дома.

Никто и никогда не видел живых огнепряд, которые ранили или убили полохом человека. Их вешают, как вешают волков или собак, напавших на людей.

— Мне нужно забрать ножницы, — сказала Дина.

Никому не пришло в голову ее отговаривать. Дина вытянула из Оркана боль, когда его ранили сегодня утром, и мы все видели дивный узел на его плече, завязанный Миррой.

Отец посмотрел на Бреву, и тот кивнул.

— Заодно дом проведем, — сказал Брева. — Окна досками закроем, чтобы чужие не залезли. И лишнее уберем, чтобы во дворе не валялось.

Сердце кричало во мне от страха. Я хотела, чтобы все оказалось сном. Чтобы этот день никогда не начался, и чтобы огнепряды никогда не появились в нашем дворе.

Если бы не они, я бы не дрожала сейчас, как заячий хвост, ожидая беды.

Если бы не они, не сидел бы сейчас напротив меня живой Оркан.

Я проглотила слова и вышла со всеми на крыльцо.

К дому Шургана вызвались лететь Брева и Чинук — как старшие. Оркан тоже шагнул вперед, но отец взял его за рукав.

— Сами справятся. Ты утром свое уже сделал, поберечься надо.

Брева обернулся вихрем, подхватил Дину, следом завился Чинук, и через миг только сосновые ветки покачивались там, где братья стояли.

Я смотрела им вслед, пока иголки на ветках не превратились в бесформенные зеленые пятна. Потом сморгнула слезы и собралась вернуться в дом.

Оркан топнул по доскам крыльца, подпрыгнул, обхватил себя за плечи и с глухим ударом свалился на землю. Мама охнула.

Брат сидел на песке и потирал ушибленный локоть. На переносице расплывалась кровью ссадина.

Потом он весь день снова и снова поворачивался на пятке, падал, поднимался, но серо-желтый вихрь так и не завился на нашем дворе.

Отец и Имбат вернулись на мельницу. Имбат ходил как густой туман. У меня все летело из рук. Мама хмурилась, поглядывая во двор, где раз за разом валился на землю Оркан.

Черноволосая огнепряда сидела на крыльце и смотрела, как он падает.

Ирока подхватила новую подружку и утащила на второй этаж, в нашу с ней спальню. Странная она, Дашка. Молчит, прячется за сестру, а в разговор вслушивается так, будто понимает едва ли через слово. Но Ирока и горшок с кашей рано или поздно разговорит, не то что однолетку.

Поначалу работа отвлекала меня от зудящего беспокойства. Но время шло к вечеру, и солнце ушло за луг, а братья не возвращались. До Шурганова дома

полдня пути да обратно полдня пешком, говорил Оркан. Братья умчались вихрями, когда полдень еще не наступил. За это время можно было вставить новые стекла, побелить стены и медленным шагом прогуляться обратно.

Мы сидели втроем на крыльце. Закат не принес прохлады. Видно, богиня Латта оставила на ночь печь открытой, и жаркое марево опускалось на землю.

Оркан неотрывно смотрел на тропинку за распахнутыми воротами. На щеке сияла свежая царапина, на рубахе и штанах — травяные и земляные пятна. Если брат не завихрится, скоро на нем места живого не останется.

Мирра сидела рядом с Орканом. В руке огнепряда держала веревку с тремя узлами и о чем-то думала.

Братья вернулись, когда половинка луны торчала высоко в небе. Серый рваный вихрь, петляя, сшиб створку ворот, глубоко врезался в землю и распался надвое. Два тела остались лежать неподвижно на прошлогодней хвое.

Мой Брева. Чинук.

Правду говорят, что огнепряды приносят несчастье...

ГЛАВА 2

СОКОЛЫ НАД ВОРОТАМИ

Мирра вышла на крыльцо, глубоко вдохнула и закашлялась. Воздух не стал прохладнее за ночь. Висело в воздухе, колебалось раскаленное марево, и мелкая пыль лезла в лицо, заставляя кашлять и чесать глаза.

Выглянул из просторной будки пес со смешной кличкой Хомка. Язык вывалил и дышал тяжело — жарко. Шуба у него была знатная. Как и клыки.

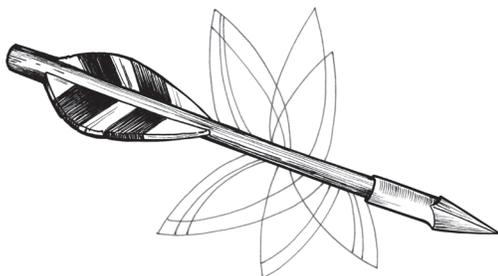
Мирра оттянула ворот рубахи. Дышать было нечем, волосы липли к мокрой шее. Дома она давно бы уже натянула футболку, шорты и радовалась майской жаре, подставляя солнцу голые локти и колени.

А здесь за футболку с шортиками могут и утопить. Так что придется жариться в рубахе с длинными

рукавами, широких штанах, да еще и обязательной тунье — длинной тунике без рукавов и с капюшоном.

Вот бы в Шурганову бочку окунуться, да только где та бочка, где сам Шурган? Где Волкова?

Вчера вихраны донесли Дину до дома Шургана, но прибратья не успели. Разгромленный дом казался пустым. Раненые арбалетчики так и лежали под окнами — один с обожженнымполохом лицом, другой — с Диниными ножницами в груди. Оба еще дышали, а обожженный пытался перевернуться и отползти в тень. Дина присела рядом с раненым и тронула ножницы. Чинук посоветовал дернуть сильнее, но Дина не спешила. От пальцев Дины потянулись к ране сияющие красные нити. Дина задержала ладонь над грудью мужчины, и ножницы сами вывалились из раны. Дина подхватила их, и тут в спину Бреве ударил первый арбалетный болт. Другой болт перебил Чинуку правую руку.

Предрассветные налетчики не собирались отпустить добычу и устроили засаду возле дома. Помочь своим раненым они даже не попытались.

Брева поволок Дину к поленнице, а Чинук обернулся вихрем и сбивал нападавших. Сколько их было, вихраны не считали. Как и нападавшие не

считали выстрелы, достигшие цели. Ни Брева, ни Чинук не вернулись бы домой, но внезапно сверху обрушился раскаленный песочный вихрь.

Чинук развихрился не сразу, и это спасло ему жизнь среди бушующего жара. Когда он свалился на песчаную кучу, огненный ветер уже сгинул. Чинук смог найти и откопать Бреву в обжигающем песке, а потом раненые братья весь долгий день добирались до дома.

— Это был Самум, — сказал Брева, когда смог снова говорить. — Он забрал Дину.

Виронга не отходила ночью от израненных сыновей, и никто в доме не сомкнул глаз, пока не стало понятно — смерть обошла дом мельника.

Самум забрал Дину не сам. На спине песчаного дракона Чинук видел всадника. Лицо его скрывал платок, натянутый до самых глаз, но Мирре и так было понятно, кто управлял огненным смерчем. Криввту́ Шурган появился вовремя, выхватил из стреляющего месива Волкову и исчез.

Только вот куда?

Когда Чинук и Брева уснули, Виронга отправила спать и всех остальных. У постели братьев осталась дежурить Вея. Она смотрела на Мирру исподлобья и молчала. Мирра не стала навязываться и вышла на крыльцо подышать.

Красное солнце проглядывало сквозь сосны. Утро только начиналось, но уже палило полуденным зноем. А неделю назад в это время они лежали с Волковой на деревянном полу клетки, и даже парок изо рта вылетал, так было холодно.

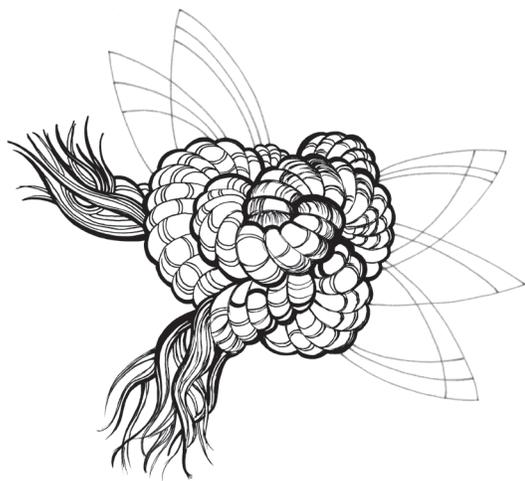
Сейчас будет прохлада.

Мирра достала из поясной сумки веревку с тремя узлами.

Если взять кусок веревки в палец толщиной, завязать подряд три узла да прочитать над каждым ветряной заговор, то получится отличная штука для продажи. Шурган продавал такие веревки по мешочку монет за штуку, а Мирра взяла задаром и без спроса. Совестью сильно не мучалась. Во-первых, у Шургана в плетеном коробе таких веревок было не пересчитать, а во-вторых, Мирра готовилась воевать, освобождать сестру Дашку из государевых покоев. Дашку она освободила при помощи ветряного дракона, а вот Шурганова веревка сейчас и пригодится.

Развяжешь первый узел — и подует легкий ветер, принесет запах дождя и прохладу. Второй развяжешь в штиль — и надутые крепкие паруса, и корабль на три дня раньше домой придет. А третий высвободит ураган, и берегись, если веревкой к мачте заранее не привяжешься. Поднимет в воздух и выкинет за сотни километров от дома.

Ураганные узлы на Шургановой веревке ровные и красивые. Мастер вязал.

Когда-то в детстве Мирра и сама такие узлы завязала на шнурках от куртки. Было ей тогда семь лет, и она знать не знала, что бывают на свете вихраны и ветряные драконы, способные не только в узел завязываться, но и возить людей по небу. В тот день Мирра услышала, что ни она, ни сестра Дашка маме и папе не родные. Соседская бабка сболтнула. Яростный ураган, поднявшийся в груди, Мирра закрутила в шнурки. Она закрутила, а через шесть лет Дашка их развязала, а на пути еще и Миррина одноклассница Дина Волкова подвернулась.

Так они втроем и попали на остров Край — две шестиклассницы, оказавшиеся вдруг огнепрядами, и первоклашка, успевшая побывать богиней Лали.

Как все запутанно.

Мирра потянула первый узел на веревке и подставила пылающее лицо прохладному ветру. Ветер раздул ткань рубашки и дернул за подол туньи. Хорошо! Когда они вернуться домой, можно будет продавать такие веревки вместо карманных вентиляторов. Вот спасибо Шургану за идею.

Хомка насторожился, поднял уши и зарычал.

Глухо стукнуло железное кольцо в ворота, и пес сорвался с места, заливаясь лаем. Мирра торопливо сунула веревку в мешочек на поясе.

Что-то рановато гости к вихранам явились. Да еще настойчивые какие гости, барабанили в ворота, как родные.

Вышел на крыльцо хмурый Касирга. Дверь за собой закрывать не стал — пусть нежданная прохлада проберется в просторные комнаты.

— Хомка, свои! — крикнули из-за ворот. — Забыл уже, малёк?

Малёк клацнул зубами, поднялся на задние лапы и заскреб когтями по деревянной двери. Пес вилял хвостом и повизгивал, пока хозяин торопливо открывал тяжелую створку.

Вчера Виронга обмолвилась, что старший сын Сайкан ушел из дома осенью, когда выпал первый снег. Он нашел свое дерево недалеко от Даргорода. Мирра поняла, что взрослый первенец стал жить отдельно от родителей.

Однако сейчас Сайкан пришел не один. Рядом с широкоплечим братом Оркана стояла девушка. И Мирра ее хорошо знала.

— Нарра-на-горри, — поздоровалась Кайра, поправила ляжку арбалета и остановилась в сторонке от счастливой кучи-малы.

Все семейство Касирги выскочило во двор, разбуженное лаем Хомки. Ирока подняла руки, и Сайкан подхватил сестренку, приговаривая, какая она уже большая выросла. Прижалась с другого бока Вея, обняли брата вместе с сестрами Оркан и Имбат. Касирга похлопывал старшего сына по спине. Хомка прыгал вокруг, влаивал и совал тяжелую голову в ладони кому придется.

— А мама где? — спросил Сайкан, удобнее усаживая Ироку на руке.

— Спит она! — сказала Ирока. — Брева и Чинук прилетели раненые, потому что по ним наррганы стреляли, а мама всю ночь наузничала и ворожила!

Сайкан перестал улыбаться, а Касирга сказал:

— Вовремя ты вернулся, сын. Рассказывать много, пойдем в дом. Как нашу гостью зовут?

— Ее зовут Кайра, она наруза, дочь Мазры Хамсина с Северного края. Она идет со мной от Даргорода. Мы принесли плохие новости, пап.

Прошли в дом и уселись за просторный обеденный стол. Спустилась встревоженная бледная Виронга и шепнула Вею, чтобы сбегала в погреб за холодной сывороткой и яблочным квасом. Вея метнулась, только коса по спине хлестнула. Кайра проводила ее взглядом и усмехнулась. Вихранов она недолюбливала. Как она умудрилась встретить не кого-нибудь, а брата Оркана по дороге сюда?

— Про черный корабль вы слышали? — начал Сайкан.

Вихраны переглянулись. Городские новости до дома Касирги долетали не сразу, если не вились во дворе Льюка и Гуттра.

— Я слышал, — сказал Имбат. — Мне вчера Оркан рассказывал.

— Встал в гавани Даргорода корабль, — сказал Сайкан. — Чужой, под черными косыми парусами. На парусах желтый мертвый сокол вниз башкой.

— Это откуда же такой? — нахмурился Касирга.

— В том и дело, что никто не знает, откуда пришел и куда собрался. Капитан на берег не сходил, к государю с подарками не шел, а команда два дня провизию заготовливала. С горожанами они не разговаривали, да и к ним никто не лез. Лица у них черными тряпками замотаны по самые глаза, а беседы они вели на пальцах — тыкали продавцам, чего надо, да молча забирали. В городе каждая сойка только об этом корабле и трещала. А позавчера ночью кто-то пробрался туда и всю команду убил.

Тихонько охнула Виронга.

— Сначала думали, что чужаки от болезни померли. Валялись они кто где, и ни на одном ни капли крови не было. Сперва хотели спалить корабль вместе с телами, чтобы зараза в город не пошла, да